

С. Платонов

**Древне-русские повести и
сказания о смутном времени
XVII века, как исторический
источник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. Платонов**
Древне-русские повести и сказания о смутном времени XVII века, как исторический источник / С. Платонов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 348 с.

ISBN 978-5-4241-8740-7

ISBN 978-5-4241-8740-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

3) Повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованіи Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова (Врем., 55—64).

4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предыдущее повѣствованіе (выпущена во *Временникѣ*).

5) Лѣтописныя замѣтки, тождественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василіемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Θεодоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 года (Врем., 64—73).

6) Лѣтописныя замѣтки о времени царя Михаила Θεодоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (Врем., 73—80) ¹⁾.

Для полной оцѣнки Сказанія слѣдуетъ ознакомиться ближе съ каждою изъ его отдѣльныхъ частей. Наибольшую важность имѣетъ первая изъ нихъ; къ ея обозрѣнію теперь и обратимся.

I. Главное содержаніе первой части Инаго Сказанія (мы будемъ въ нашемъ изложеніи называть ее Повѣстью 1606 года) составляетъ описаніе слѣдующихъ событій: 1) убіенія царевича Димитрія, 2) воцаренія Бориса Годунова, 3) появленія самозванца, 4) борьбы самозванца съ Борисомъ и воцаренія самозванца, 5) дѣйствій самозванца противъ русской народности и православія, 6) сверженія самозванца и воцаренія Шуйскаго, и 7) перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву. Вся Повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія.

Какъ сказано, Повѣсть сохранила на себѣ полный отпечатокъ самостоятельнаго литературнаго произведенія. Отъ остальныхъ частей Инаго Сказанія она отдѣлена послѣсловіемъ, и смыслъ нѣкоторыхъ ея имѣетъ даже противорѣчить дальнѣйшему разсказу Инаго Сказанія. Въ концѣ Повѣсти выражается радость по поводу избавленія Россіи отъ самозванца и по поводу вступленія на престолъ „такового благочестиваго государя“ В. И. Шуйскаго, который не ведетъ своихъ подданныхъ въ погибель, какъ велъ ихъ Разстрига, но совращаетъ ихъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ составныхъ частей Инаго Сказанія уже указаны А. Н. Поповымъ (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 148—149). Въ спискѣ П. М. Строева есть въ концѣ нѣсколько ничтожныхъ приписокъ, сдѣланныхъ, очевидно, горадо позднѣе владѣльцами рукописи.

съ пути погибельнаго и даже сподобился видѣть мощи царевича Дмитрія въ Москвѣ. О дальнѣйшихъ смутахъ времени Шуйскаго въ Повѣсти нѣтъ и помину; главное чувство писателя — радость о томъ, что смута миновала и притомъ такъ благополучно. „Слава одному премудрому жизнедателю Богу“, восклицаетъ онъ: „яко маломъ наказанъ насъ, но много помилованъ“¹⁾. Между тѣмъ дальнѣйшее повѣствованіе о смутахъ времени Шуйскаго, въ третьей изъ указанныхъ нами частей Инаго Сказанія, ведется уже совершенно въ другомъ тонѣ: радостному чувству нѣтъ мѣста; его заступаетъ сознаніе, что современники автора осуждены Богомъ „во тмочисленныя бѣды и различныя напасти какъ впасти по праведному Его суду Божию“ за то, что сами отпали отъ Него своими согрѣшеніями²⁾. Описаніе многочисленныхъ возстаній противъ царя Василія, сознаніе силы мятежниковъ и слабости Шуйскаго дѣлаетъ преждевременнымъ и страннымъ радостное убѣжденіе Повѣсти въ окончаніи смуты. Очевидно, что лицо, составлявшее Иное Сказаніе, лишь механически соединяло его составныя части и не позаботилось сгладить ихъ взаимныя несогласія въ цѣльный рассказъ.

Счастливо уцѣлѣвшія частности Повѣсти 1606 года помогаютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлять время и обстоятельства ея написанія. Если Повѣсть торжествуетъ вступленіе на престолъ Шуйскаго и перевесеніе мощей Дмитрія царевича въ Москву, но не знаетъ еще, что при царѣ Василіи смута не только повторится, но и разовьется съ болѣею силой, — значитъ, написана эта Повѣсть въ самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Время ея написанія слѣдуетъ полагать послѣ 3-го іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича въ Москву), но до начала возстанія противъ Шуйскаго на югѣ, которое произошло не позже августа 1606 года³⁾, и, конечно, до прихода Волотникова и Пашкова къ Москвѣ, который послѣдовалъ осенью того же года⁴⁾. Объ этомъ приходѣ Волотникова и

¹⁾ Иное Сказаніе во *Временникъ*, XVI, стр. 35—37.

²⁾ *Ин. Сказ.*, стр. 55—56.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 149, стр. 316.—*Изборникъ А. Н. Лопова*, стр. 331 (.... „того же 114 году... въ Украинныхъ, въ полскихъ и въ сѣверскихъ городѣхъ, учинилася прелесть и смута“,—значитъ, ранѣе 1-го сентября 1606 г.).

⁴⁾ *Изборникъ А. Н. Лопова*, стр. 332. 2-го декабря 1606 г. мятежники были уже разбиты и прогнаны отъ Москвы. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 150 и № 151. Въ спискахъ Инаго Сказанія не сохранилось никакихъ хронологическихъ датъ, которыя указывали бы время написанія Повѣсти. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ

Пашкова повѣствуетъ уже третью часть Инаго Сказанія. Какъ можно догадываться по одному признаку, Повѣсть написана была тогда, когда авторъ ея узналъ, что въ государствѣ вторично началось броженіе во имя Димитрія и что типичнѣ, которая должна была бы наступить со сверженіемъ ложнаго царя, угрожаетъ опасность. Въ своемъ послѣсловіи онъ обращается съ наставленіемъ къ какому-то „губителю Божію“ и грозитъ ему: „аще... не премѣнишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражѣши здѣ и въ будущемъ,“ яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ“¹⁾. Дидактической тонъ, красною нитью проходящій черезъ всю Повѣсть, въ послѣсловіи усиливается: писатель пространно объясняетъ, что погибель самозванца была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его „законопреступленія“, и что такое же возмездіе грозитъ всякому его послѣдователю. Авторъ даже открыто признается въ дидактическихъ цѣляхъ своего произведенія, говоря, что писалъ свою Повѣсть „прочитающимъ на пользу и въ предидущія времена по насъ будущимъ чловѣкомъ на память, а прочимъ зломысленникомъ, рачащимъ его (то-есть, самозванца) злонравному преступленію, дабы припши во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престали“²⁾.

Приведенныя мѣста послѣсловія вскрываютъ намъ нѣсколько внутренняго намѣренія автора: Повѣсть его направлена противъ „губителей Божіихъ“, зломысленниковъ, рачащихъ дѣлу самозванца. Написана, стало быть, она тогда, когда броженіе, не прекращавшееся въ народѣ съ самаго дня переворота 17-го мая 1606 г., стало при-

сокращенной позднѣйшей редакціи Повѣсти, известной подъ именемъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“, читаемъ выраженіе: „о люта быша бы намъ ~~мыслиши~~ 114 году (Рис. Инп. Публ. Библиотеки: Q. IV, 144, л. 283 об., и O. IV, 17, л. 423. Въ пространной Повѣсти слово „мыслишиго“ выпущено: Ин. Сказ., стр. 33). Если мы имѣемъ думать, что это чтеніе первоначальное, но утраченное списками полной редакціи, то уже несомнѣннымъ будетъ фактъ написанія нашей Повѣсти до 1-го сентября 1606 г. С. М. Соловьевъ при обработкѣ VII тома „Исторіи Россіи“ пользовался сокращенною редакціей Повѣсти и ее относилъ къ „первому времени царствованія Шуйскаго“ (т. VII, пр. 80). Въ своемъ мѣстѣ увидимъ что такъ можно говорить только о редакціи распространенной. А. Н. Поповъ именно эту послѣднюю относилъ къ 1606 г. (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 148).

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 38 (неисправный текстъ изданія исправленъ по рукописямъ).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 37 (также исправлено).

нимать опасный для установившагося порядка характеръ, но не перешло еще въ опредѣленныя формы народнаго бунта противъ Шуйскаго. Въ противномъ случаѣ авторъ не закончилъ бы своего произведенія радостною картиной счастливыхъ дней, наставшихъ для народа съ воцареніемъ В. И. Шуйскаго. Онъ не видитъ еще явнаго нарушенія счастливой тишины, но замѣчаетъ возможность такого нарушенія и спѣшитъ своимъ увѣщаніемъ предунредить его и по мѣрѣ силъ упрочить авторитетъ излюбленнаго имъ царя Шуйскаго. Первые мѣсяцы правленія Шуйскаго какъ разъ могли вызвать его на такой трудъ. Нѣтъ нужды приводить многочисленныя указанія источниковъ на то, что въ первые же дни царя Василія заложены были сѣмена дальнѣйшихъ смутъ и что вошли они очень скоро и прежде всего въ видѣ неясныхъ, но настойчивыхъ слуховъ о томъ, что Дмитрій спасся и живъ ¹⁾. Много было людей, вѣрившихъ этимъ слухамъ и не вѣрившихъ Шуйскому. Такіе люди, не желавшіе легко успокоиться и повѣрить тому, что говорило имъ правительство Шуйскаго о „законопреступленіи“ только что низвергнутаго царя, могли казаться „рочащими законопреступленію Разстриги“ и могли тревожить В. И. Шуйскаго и всѣхъ ему преданныхъ лицъ. Противъ такихъ-то „рочителей законопреступленія“ и направлена, смѣемъ думать, разбираемая Повѣсть.

Кто же и по какимъ мотивамъ взялъ на себя трудъ способствовать успокоенію московскихъ умовъ путемъ литературнаго вліанія въ помощь официальнымъ убѣжденіямъ правительственныхъ грамотъ?

Лица, писавшаго Повѣсть, назвать мы не можемъ, потому что имени его Повѣсть не сохранила. Но по нѣкоторымъ частностямъ разсказа можно довольно близко указать ту среду, къ которой принадлежало это лицо. Свидѣтельствуя, что всѣ гонимые самозванцемъ люди умирали вѣрными православію, авторъ прибавляетъ: „А нинѣ братія наша иноцы еще въ живыхъ останася и тѣя нинѣ вкупѣ съ нами содѣлательствуютъ во обители пресвятныя и животворящія Троицы, а нинѣ у архистратига Божія Михаила, у чудотворца Алексѣя въ Чюдовѣ“ ²⁾. Изъ этихъ строкъ мы съ достовѣрностью узнаемъ, что авторъ принадлежалъ къ числу братіи Троице-Сергіева монастыря.

¹⁾ Соловьева Ист. Россіи, т. VIII, гл. IV, и другія исследования о смутномъ времени.

²⁾ Ии. Слав., стр. 37 (текстъ исправленъ по рукописямъ).

На это указываетъ и выраженіе „братія наша иноцы“, и слова: „вкусѣ съ нами содѣлательствуютъ во обители... Троицы“. Еще болѣе подтверждаетъ такой выводъ разсказъ автора о перенесеніи мощей царевича Дмитрія. Авторъ ничего не говоритъ ни объ обстоятельствахъ открытія мощей въ Угличѣ, ни о подробностяхъ ихъ перенесенія отъ Углича до Москвы, но считаетъ необходимымъ описать ихъ встрѣчу въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ и описываетъ ее хотя кратко, но съ такими подробностями, какія могла сохранить только память очевидца ¹⁾.

Духовнымъ саномъ автора объясняется отчасти его значительная начитанность: онъ нерѣдко приводитъ выписки изъ Св. Писанія, изъ твореній отцовъ церкви (Аванасія Великаго, Григорія Нисскаго и др.); знакомъ онъ и съ Византійскою исторіей. С. М. Соловьевъ замѣтилъ, что „образцомъ краснорѣчія“ послужило ему сказаніе о Мамаевомъ побойцѣ ²⁾. Дѣйствительно, сличая это сказаніе ³⁾ съ нашею Повѣстью, замѣчаемъ нѣкоторое сходство литературныхъ приѣмовъ. Оба писателя впадаютъ изъ уста дѣйствующихъ лицъ цѣлыя рѣчи; однако наша Повѣсть прибѣгаетъ къ такому приѣму рѣже сказанія о Мамаевомъ побойцѣ. Въ обоихъ произведеніяхъ встрѣчаемъ иногда одни и тѣ же характерныя выраженія; но эти выраженія не принадлежать исключительно Повѣсти и сказанію, а встрѣчаются и въ другихъ древне-русскихъ произведеніяхъ ⁴⁾. При такихъ условіяхъ

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 35: „Егда же приближающимся честнымъ его мощемъ ко пречестнѣй заврѣ пресвятыи и живоначальныи Троицы и Сергіа Чюдотворца, и тои честныи обители архимандритъ и священники и діаконы, облачаша во священныи одежды, съ кадильи, и прочая все братія со свящании срѣтаху его пречестныи и многоцѣлебныи мощи изъ ограды съ радостныи слезами и подобное надгробное псаломнѣице лица ему воспѣваху. И обита во обители въ соборной церкви пресвятыи и живоначальныи Троицы нѣкую годину и пакы поиде ко царствующему граду Москвѣ.—Есть и еще одна черта, косвенно подтверждающая нашъ выводъ: авторъ укоряетъ самозванца въ томъ, что онъ „множествомъ имѣній, еже есть въ Россійскомъ царствѣи, пообладалъ и обогатѣлъ великии зломъ всенорѣ“ (Ин. Сказ., стр. 37). Этого упрека весьма понятенъ въ устахъ именно Троицкой братіи, по свидѣтельству которой (Сказ. Палицима, изд. 2-е, стр. 224), Леонидириіи взялъ у Троице-Сергіева монастыря 30,000 рублей.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 5, 7—8, 10, и т. д.; Соловьева Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 422.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VI, 90—98 и IV, 75—83.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, и сказаніе, и Повѣсть бѣгство побѣжденныхъ съ поля битвы передаютъ одинаковыми словами: „давѣъ плещи своя побѣже“, „давше плещи побѣгоща“ (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 95, и Ин. Сказ., стр. 19 и 24). Но это

предполагать прямое подражаніе сказанію со стороны нашего автора, конечно, не возможно, тѣмъ болѣе, что въ описаніяхъ битвъ (гдѣ С. М. Соловьевъ собственно и находилъ подражаніе сказанію о побойщѣ) наша Повѣсть ближе слѣдуетъ пространной, позднѣйшей редакціи житія князя Александра Невского¹⁾; а началомъ своимъ она до нѣкоторой степени напоминаетъ „Повѣсть о житіи и о представленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича царя русьскаго“²⁾. Вѣрнѣе, поэтому, просто предполагать, что авторъ Повѣсти вообще усвоилъ себѣ установившіеся ранѣе литературные приемы и, не подражая рабски ни одному произведенію, въ сущности зависѣлъ ото всѣхъ своихъ литературныхъ предшественниковъ. Сходныя съ болѣе ранними произведеніями мѣста Повѣсти служатъ такимъ образомъ доказательствомъ начитанности ея автора, но не могутъ уличать его въ недостаткѣ литературной оригинальности и самостоятельности.

Въ концѣ Повѣсти находимъ заявленіе автора, что онъ писалъ „не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ той еретики и законопреступника (то-есть, самозванецъ) былъ въ Литовской земли, а что сотворися въ Россійскомъ государствѣ, то вся сія зря своимъ очима“³⁾. Сказанныя авторомъ для привлеченія большаго довѣрія къ его Повѣсти, слова эти не могутъ быть принимаемы нами въ ихъ буквальный смыслъ. Соображая общественное положеніе автора съ существомъ передаваемыхъ имъ событій, мы должны вѣрить ему только въ томъ,

же выраженіе находимъ и въ другихъ памятникахъ разныхъ эпохъ. Въ сказаніи о покореніи Новгорода (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 11) читаемъ: „даша своя плеще лукаваго опоченія и побѣгоша вспять“; въ пѣсньи древней „Повѣсти о житіи и о храбрости... кн. Александра Невского“ (П. Собр. Р. Лѣт., V, 4) о нѣнцахъ говорится: „и даша плеща своя и съчихуть и“.—Далѣе, какъ наша Повѣсть называетъ Бориса Годунова „вторымъ Іудю предателемъ и вторымъ Святополкомъ по святоубійству“, такъ въ сказаніи о Мамаевомъ побойщѣ „новымъ Іудю и новымъ Святополкомъ“ является кн. Олегъ Рязанскій (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 92.—Ин. Сказ., стр. 5). Но это же самое сравненіе встрѣчаемъ и въ „Повѣданіи о побойщѣ вел. кн. Дм. Ив. Донскаго“ (Русск. Ист. Сборникъ подъ ред. М. П. Погудина, т. III, стр. 9), да и вообще въ нашей письменности Святополкъ Окаянный былъ однимъ изъ отрицательныхъ прототиповъ.

¹⁾ Книга Степенная, т. I, стр. 360, 363—364.—Ин. Сказ., стр. 17—18, 19.—П. Собр. Р. Лѣт., VI, 94. Впрочемъ, нужно замѣтить, что картины битвъ у нашихъ древнихъ сказателей, при большей или меньшей распространенности, страдаютъ однообразіемъ чертъ. См. П. Собр. Р. Лѣт., VI, стр. 11, 106. Никоновск. Лѣт., IV, 282, и т. д.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VI, 104, и Ин. Сказ., стр. 1.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 37.

что онъ, какъ современникъ, описалъ пережитую имъ эпоху, а не возстапвлялъ незнакомой ему старины по недоступнымъ провѣржъ преданіямъ. Но можно сильно сомнѣваться, чтобы онъ всѣ описанныя событія видѣлъ своими глазами. Не говоря уже о многихъ второстепенныхъ фактахъ его разсказа, каковы, напримѣръ, подробности защиты Новгорода-Сѣверскаго и Кромъ и другія частности похода самозванца на Москву, свидѣтелемъ которыхъ трудно было быть монаху ¹⁾,—и многія главныя событія Повѣсти врядъ ли были доступны глазамъ и ушамъ автора. Ни одна черта разсказа не говоритъ намъ, напримѣръ, что авторъ самъ видѣлъ убіеніе царевича Димитрія, что онъ лично удостовѣрился въ насильственной смерти царя Оводора „отъ неправеднаго убійства того же Бориса“, что онъ знаетъ точно о самоубійствѣ Бориса, что онъ самъ слышалъ о намѣреніи самозванца избить „боларь и гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ“. По существу дѣла, какъ частный человекъ и къ тому же инокъ, онъ многого не могъ видѣть и знать и, стало быть, о многомъ могъ говорить только „увѣряясь слухомъ“ или на основаніи какихъ-либо свидѣтельствъ иного рода.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ вопросу объ источникахъ нашей Повѣсти. Нѣтъ, конечно, возможности точно и со всею полнотою указать, откуда авторъ черпалъ свои показанія. Мы можемъ лишь съ большею или меньшею вѣроятностію установить связь нѣкоторой части Повѣсти съ другими, современными ей историческими памятниками. Всѣ эти памятники официальнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ нашъ авторъ включилъ въ свой разсказъ цѣликомъ, таковы: Извѣтъ старца Варлаама и три грамоты самозванца къ русскимъ людямъ, писанныя до его прихода въ Москву ²⁾. Дру-

¹⁾ Походъ самозванца на Москву изложенъ въ нашей Повѣсти хотя и довольно подробно, но безъ малѣйшихъ указаній на то, что писалъ очевидецъ. Подробности военныхъ дѣйствій онъ могъ узнать по официальнымъ документамъ, или просто по слухамъ. На основаніи слуховъ иностранцы сообщаютъ намъ иногда и большія подробности въ сравненіи съ Повѣстью. Сошлемся, напримѣръ, на разсказъ Массы объ осадѣ Кромъ, совершенно согласный съ разсказомъ Повѣсти, но гораздо болѣе подробный и яркій. (Сказанія Массы и Геркмана. С. Пб. 1874, стр. 126—128. Сравни. Ин. Сказ., стр. 21).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 11—14, 15—16, 24—27, 28—29. Вся эти документы изданы отдѣльно: Извѣтъ въ Акт. Арх. Эвеп., II, № 64, грамоты въ Акт. Арх. Эвеп., II, № 26, № 34, № 37, и въ Исторіи Россійской кн. М. Щербатова, т. VII, ч. 1, стр. 335—336, 338—342; т. VII, ч. 3, стр. 3—4. Изслѣдованіе грамотъ самозванца видъ предѣловъ нашей темы. Что же касается до Извѣта Вар-

гимн же документами авторъ пользовался, можно думать, какъ руководствомъ, и съ фактической стороны, и со стороны самыхъ изводовъ, проводимыхъ въ Повѣсти. При чтеніи Повѣсти невольно бр

лава, то въ виду разногласій въ вопросѣ о подлинности его считаемъ нужнымъ сообщить о немъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ извѣстно, Н. И. Костомаровъ не тался доказывать его подложность („Кто былъ первый Лжедмитрій?“, стр. 21, „Смутное Время“ въ *Вѣстн. Евр.* за 1866 г., III, стр. 43). С. М. Соловьевъ, вступая къ Костомарову въ защиту Извѣта („Ист. Россіи“, VIII, прим. 65), признавалъ однако, что не все въ Извѣтѣ справедливо и безошибочно; но онъ думалъ, что неточности и ошибки даже неизбежны въ „первомъ показаніи“ свидѣтеля: „Что Варлаамъ не зналъ нѣкоторыхъ подробностей, смѣшалъ имена князей Вишневецкихъ, передалъ по своему рѣчь Лжедмитрія королю,—это такъ естественно, что не стоить останавливаться на этомъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ. И онъ самъ, и другіе исследователи вполне доверяли и доверяютъ Извѣту. Намъ же кажется, что въ данномъ случаѣ скептицизмъ Костомарова вполне уместенъ. Извѣтъ Варлаама былъ составленъ раньше, чѣмъ думаютъ обыкновенно, не въ концѣ 1606 года, а по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Онъ вошелъ въ разбираемую нами Повѣсть, а она была сочинена до появленія Болотникова подъ Москвою. Старецъ Варлаамъ такимъ образомъ явился со своимъ Извѣтомъ въ желанную минуту для правительства Шуйскаго, когда оно старалось собрать какъ можно скорѣе и какъ можно больше оправданій майскаго переворота. Извѣтъ съ тѣмъ старецъ Варлаамъ зналъ какимъ-то образомъ тѣ грамоты Лжедмитрія, которыя онъ распространялъ по Московскому государству во время похода къ Москвѣ. Хотя Варлаамъ въ это время, по его словамъ, сидѣлъ въ Самборской тюрьмѣ и жилъ затѣмъ въ Києвѣ, стало бытъ, не былъ въ Московскомъ государствѣ, тѣмъ не менѣе онъ изложилъ въ своемъ Извѣтѣ рѣчь самозванца Сигизмунду дословно по грамотамъ самозванца (слич. Инаго Сказанія стр. 13, 25 и 15—16, и *Ант. Арх. Эксп.*, II, № 64, № 34 и № 26). Такимъ образомъ Извѣтъ есть до нѣкоторой степени плагиатъ, если разсматривать его съ литературной точки зрѣнія. Подобная манера его составителя, конечно, не можетъ говорить въ пользу искренности и безыскусственности его разсказа, за то обнаруживаетъ въ немъ литературные навыки и притязанія. Впрочемъ, они замѣтны и въ другихъ мѣстахъ Извѣта: Его начало—разговоръ Варлаама съ Григоріемъ на Варварскомъ крестцѣ (обыкновенномъ сборномъ мѣстѣ бродячаго духовенства)—поражаетъ искусственностью композиціи: случайно встрѣченный Отрепьевымъ Варлаамъ, какъ оказалось, зналъ родню безвѣстнаго Отрепьева; онъ съ точностью запомнилъ, о чемъ спрашивалъ и что разсказывалъ ему Отрепьевъ, цитируя самый дѣль встрѣчи и разговора и черезъ четыре года не затруднился подробно записать весь этотъ разговоръ, и притомъ въ формѣ довольно литературной. Далѣе, немного странно то обстоятельство, что Варлаамъ тутъ же на крестцѣ рѣшился на другой день пуститься въ далекий и трудный путь ко Гробу Господню. Странно и то, что такое же паломничество такъ же случайно возникло и у Отрепьева, а между тѣмъ къ слѣдующему дню онъ успѣлъ уже „приговорить ѣхать“ съ собою третьяго монаха, который оказался тоже извѣстнымъ Варлааму: онъ „зналъ его у князя Ивана Ивановича Шуйскаго“. Такое обиліе маловероятностей дѣлаетъ первую часть

сается въ глаза строгое соотвѣтствіе между разсказомъ о правленіи самозванца нашей Повѣсти и грамотами о сверженіи Лжедимитрія, обнародованными правительствомъ Шуйскаго въ маѣ и іюнѣ 1606 года.

Извѣтъ скорѣе любопытною сказкой, чѣмъ показаніемъ достовѣрнаго свидѣтеля. За то въ остальной своей части Извѣтъ полонъ фактовъ и именъ: Варлаамъ помнитъ много монастырей и ихъ настоятелей, знаетъ много населенныхъ мѣстъ и много лицъ; онъ какъ будто стремится доказать, что ему извѣстно все объ Отрепьевѣ, стремится подавить недоувѣріе читателя массой фактовъ и именъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаетъ погрѣшности въ показаніяхъ довольно важныхъ (на нихъ указываютъ приведенными нами слова Соловьева и разборъ Извѣта Костомарова). Гораздо легче, было забыть нѣякагонибудь строителя Новгородъ-Обверснаго монастыря, гдѣ Варлаамъ пробылъ весьма недолго, чѣмъ не знать объ участіи Константина Вишневецкаго въ дѣлѣ самозванца, за которымъ Варлаамъ такъ внимательно слѣдилъ. Но Варлаамъ помнитъ первое и не знаетъ втораго. Если можно кратко характеризовать, чтѣ извѣстно и чтѣ неизвѣстно Варлааму, то мы можемъ сказать, что онъ знаетъ о Димитріи все то, что могло быть извѣстно Московскому правительству и дѣлаетъ ошибки тамъ, гдѣ оно не могло имѣть точныхъ свѣдѣній. Онъ, напримѣръ, сообщаетъ, что Лжедимитрій выѣхалъ въ походъ съ Мишикомъ 15 (26) августа 1604 г. Если разобратъ, откуда явилось это сообщеніе въ Извѣтѣ, то врядъ ли можно допустить, чтобы, сидя въ польской тюрьмѣ, Варлаамъ могъ знать точно день и цѣль отъѣзда самозванца изъ Самбора. Нельзя допустить и того, чтобы частный русскій человѣкъ, сочиняя ложный извѣтъ, могъ указать это число, если только онъ не былъ съ самозванцемъ. Это число съ точностью и не опредѣлено, но оно поставлено первымъ въ началѣ дневной записи пути съ Димитріемъ Мишика (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80), при чемъ указывается не выѣздъ изъ Самбора (который могъ быть раньше), а пребываніе въ Жупиовицѣ. Изъ этой записи число 15-е августа стало извѣстно Московскому правительству Шуйскаго, изъ нея же могло попасть и въ Извѣтъ Варлаама. Сопоставляя съ замѣчаніями на Извѣтъ Костомарова литературное заимствованіе Извѣта, его неправдоподобное начало, обиліе точныхъ указаній въ однихъ отношеніяхъ и довольно крупныя промахи въ другихъ, мы рѣшаемся высказать мысль, что Извѣтъ не могъ быть правдивымъ показаніемъ слѣдившаго за Отрепьевымъ человѣка, но не могъ быть и поддѣланъ искусвою рукою какаго-нибудь мало знающаго москвича. Онъ составленъ очевидно, лицомъ много знавшимъ и близкимъ къ правительству (Варлаамъ говоритъ, что онъ знаетъ И. И. Шуйскаго), и составленъ не для правительства, которое могло знать и изъ другихъ источниковъ все наложенное въ Извѣтѣ, а для убѣжденія народа. На это указываетъ искусственность еоримъ, стремленіе все объяснить и разсказать, стремленіе завоевать довѣріе массой фактовъ и именъ. Быть можетъ, что всѣ эти факты и имена не Варлаамомъ были сообщены Шуискому, а, напротивъ, въ его Извѣтъ перешли изъ правительственныхъ источниковъ, какъ мы можемъ это предполагать о числѣ 15-го августа. Понятно, что при такомъ пониманіи Извѣта мы не считаемъ его надежнымъ источникомъ.

Со стороны фактовъ нашъ авторъ иногда даетъ болѣе, иногда менѣе, чѣмъ упомянутыя грамоты, но освѣщеніе фактовъ онъ прямо беретъ изъ грамотъ. Его обвиненія противъ самозванца тождественны съ тѣми, какія предъявилъ народу В. И. Шуйскій въ оправданіе перепорота 17-го мая. Въ грамотахъ В. И. Шуйскаго и его боярства ¹⁾ самозванецъ уличался въ томъ, что уступалъ Литвѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю. Это обвиненіе находимъ и въ Повѣсти ²⁾. Въ грамотахъ достаточно мѣста удѣлено на то, чтобы доказать сношенія самозванца съ папой и еретичество его. И Повѣсть не проходитъ этого молчаніемъ, указывая на помощь, оказанную папой Лжедимитію за его обѣщаніе водворить въ Москвѣ католичество ³⁾. Это намѣреніе самозванца уничтожить православіе и ввести католичество грамоты Шуйскаго утверждаютъ не одинъ разъ. И Повѣсть считаетъ искорененіе правой вѣры главною цѣлью самозванца. Какъ грамоты говорятъ, что самозванецъ достигъ престола „вѣдковствомъ и чернокнижествомъ“, такъ въ Повѣсти читаемъ, что очень рано Гришка началъ вникать „въ премудрости богомерскихъ книгъ“, былъ „волшебной премудрости исполненъ“, но погибъ, не смотря на „злохитренныя свой чародѣйства“; по этому поводу авторъ даже входитъ въ разсужденіе о вредѣ „книгъ, отреченныхъ св. Отцы“ ⁴⁾. Грамоты Шуйскаго ближайшимъ поводомъ сверженія самозванца выставляютъ умыселъ его перебить 18-го мая всѣхъ бояръ и большихъ дворянъ. На этомъ умыслѣ останавливается и авторъ Повѣсти, но въ его глазахъ самозванецъ хотѣлъ избить „всѣхъ православныхъ христіанъ“ и истребить затѣмъ православіе. Объясненіе такого гиперболическаго изображенія находимъ въ такъ-называемыхъ рѣчахъ Бучинскихъ, гдѣ читаемъ будто бы слова самого Лжедимитрія: „маіа въ 18-й день... бояръ, и дворянъ лутчихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и черпныхъ людей, которне за нихъ любо станутъ, побити всѣхъ, а совершивъ тотчасъ велю костелы Римскіе ставить“ ⁵⁾. Также измѣнилъ авторъ и свидѣтельство грамоты Шуйскаго о постѣ самозванца по католическому обряду: грамота гово-

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д., II, №№ 140, 144, 146, 147 (и № 76).—Акт. Арх. Эксп. II, № 44 и № 48.—Ип. Сказ., стр. 28—41 и 42—55.

²⁾ Ип. Сказ., стр. 15.

³⁾ Ип. Сказ., стр. 15.

⁴⁾ Ип. Сказ., стр. 10, 32, 38.

⁵⁾ Ип. Сказ., стр. 32—33.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 140, стр. 298.—Акт. Арх. Эксп. № 48, стр. 109—110.